

Они шли гуськом, держа дистанцию метра в два. Только когда Цзян Чу подошел к машине и потянулся открыть багажник, он заметил, что у Цинь Цзуй при себе лишь потрепанный рюкзак — ни чемодана, ни дорожной сумки.

— Все вещи при тебе? — обернулся Цзян Чу. — Чемодана нет?

Цинь Цзуй все это время беззвучно шел следом, пристально его разглядывая. Услышав вопрос, он лишь снова глухо буркнул в ответ и шагнул вперед, намереваясь сбросить свой баул в багажник.

Цзян Чу захлопнул багажник, перехватил у него лямку и закинул рюкзак на заднее сиденье.

— Садись, — он обошел машину, сел за руль и толкнул пассажирскую дверь изнутри.

Цинь Цзуй, то ли не доверяя сохранности своих пожитков, то ли самому Цзян Чу, пару секунд нерешительно промедлил снаружи и лишь затем пригнулся и сел в салон.

На улице это не ощущалось, но здесь, в замкнутом пространстве салона, Цзян Чу отчетливо уловил исходивший от соседа тяжелый дух.

И ладно бы просто пот — это была та самая трудноописуемая кислая смесь застарелых запахов, какая въедается в одежду после душного, переполненного плацкартного вагона.

Прибавив мощности кондиционеру, он выехал со стоянки подземного паркинга.

Снова зазвонил мобильный — опять отец. Спросил, встретил ли Цзян Чу гостя, и добавил, что они уже сделали заказ.

— Будем через десять минут, — бросил Цзян Чу и включил громкую связь, чтобы Цинь Цзуй тоже был в курсе.

Цзян Ляньтянь выдал дежурное «аккуратнее на дорогах» и еще пару банальностей. Цзян Чу краем глаза следил за реакцией парня, но тот никак не отреагировал — даже ресницами не дрогнул.

Перед поездкой Цзян Чу всерьез опасался, что пасынок, только что потерявший родного отца, при виде сына своего нового отчима взбрыкнет или зальется слезами. Возиться с чужой истерикой было бы той еще головной болью.

Но, похоже, он зря переживал. Запрыгнув в машину, Цинь Цзуй уставился в боковое стекло — то ли разглядывал проплывавшие мимо пейзажи, то ли ушел в свои мысли. За всю дорогу он не проронил ни слова.

Такое молчание, конечно, избавляло от лишних хлопот, но раз уж они теперь официально считались братьями, не стоило совсем уж играть в молчанку.

— В плацкарте ехал? — как бы между прочим спросил Цзян Чу, не отрывая взгляда от дороги.

Собеседник продолжал безучастно смотреть в окно. Спустя долгую паузу он наконец выдал первую фразу с момента их встречи:

— Стоячий билет.

Цзян Чу покосился на него:

— Тяжело пришлось.

Цинь Цзуй снова умолк.

Стоило припарковаться у ресторана, как Цинь Цзуй рванул дверь и потянулся к своему огромному рюкзаку.

— Слушай, рюкзак... — Цзян Чу хотел было сказать, что они просто поднимутся пообедать, и незачем тащить с собой такую тяжесть — можно оставить в машине.

Но вовремя спохватился. После обеда Цинь Цзуй уедет со своей матерью к Цзян Ляньтяню. Если оставить вещи в багажнике, Цзян Чу придется после трапезы снова спускаться вместе с ними, чтобы открыть машину.

Парень вопросительно взглянул на него, и Цзян Чу без тени смущения переобулся на ходу:

— Хотя ладно, забирай.

Впрочем, Цинь Цзуй и не собирался спрашивать его мнения. Не успело слово сорваться с губ Цзян Чу, как парень уже накинул лямку тяжеленного баула на плечо.

На входе хостес окинул их оценивающим взглядом и вежливо предложил забрать огромную сумку на ресепшен. Но Цинь Цзуй даже ухом не повел — обогнул Цзян Чу и напрямик зашагал к лифту.

— Все в порядке, — Цзян Чу виновато улыбнулся администратору. Сказать больше было нечего, и он просто нажал на кнопку вызова.

У дверей отдельного кабинета их уже поджидал Цзян Ляньтянь.

— А, сынок, добрался! Тяжелый выдался денек, — он похлопал Цзян Чу по плечу. При виде колоритного прикида Цинь Цзюя новоиспеченный отец на секунду опешил, но быстро взял себя в руки. С широкой, радушной улыбкой — куда более теплой, чем для родного сына, — он приобнял парня за плечи: — Проходи, проходи, остынь с дороги, у нас тут кондиционер работает.

Цинь Цзюю явно претило такое панибратство со стороны незнакомца... точнее, чужого папаши, но возразить он не решился.

Цзян Чу, наблюдая сзади, как зажатый и напряженный парень безропотно дает утянуть себя в комнату, едва сдержал смехок.

— Цзян Чу, привет, — Цинь Шумань поднялась из-за стола и мягко улыбнулась ему.

— Да, здравствуйте, — кивнул Цзян Чу. Ему показалось странным, что она первым делом обратилась к нему, а не к собственному сыну, и он невольно покосился на Цинь Цзюя.

Цинь Цзуй, войдя в комнату, не сводил глаз с матери. Его губы едва заметно шевельнулись, но с них не слетело ни звука.

«Даже мать не позвал?»

Только после этого Цинь Шумань соизволила взглянуть на сына. Окинув его с головы до ног оценивающим взглядом, она вместо приветствия спросила:

— И почему ты в таком виде?

Она была женщиной утонченной, совсем не похожей на родную мать Цзян Чу. Каждое ее движение и улыбка дышали мягкостью, однако этот вопрос прозвучал хоть и негромко, но напрочь был лишен материнской теплоты. Ни намек на ласковое ворчание соскучившейся родительницы.

Скорее уж веяло отчужденностью.

Цзян Чу вспомнил слова отца о том, что мачеха «еще не готова». Судя по ее поведению, она была не просто не готова — ее этот приезд откровенно тяготил.

Цинь Цзуй молча смотрел на нее. Разрядить обстановку поспешил Цзян Ляньтянь:

— Ну ладно, парень только с поезда, всю ночь глаз не смыкал. Давайте сначала поедим. Цзян Чу, присаживайся, тут как раз твои любимые блюда.

Изначально Цзян Чу планировал просто доставить «груз» и сразу откланяться, но теперь в нем проснулось любопытство к этой странной семейной драме. К тому же он маковой росинки во рту не держал с самого утра и был чертовски голоден.

Он выдвинул стул и сел. На противоположной стороне стола Цзян Ляньтянь любезно отодвинул стул для Цинь Цзуя и попытался помочь ему снять тяжелый баул.

Но парень не дался. Он резко отстранился, уклоняясь от чужих рук, и вместо того, чтобы сесть рядом с матерью, обогнул стол и опустился на стул по соседству с Цзян Чу, пристроив сумку у ног.

Цзян Чу как раз ополаскивал свои приборы кипятком. Увидев маневр соседа, он слегка приподнял бровь, но промолчал. Лишь молча притянул к себе чашку с палочками Цинь Цзуя и так же неторопливо привел их в порядок.

Цзян Ляньтянь и Цинь Шумань обменялись растерянными взглядами. За столом повисла неловкость.

Цинь Шумань поправила волосы и, беспомощно улыбнувшись, тихо произнесла:

— Цзян Чу, садись нормально, он сам справится.

Цзян Ляньтянь тем временем жестом подозвал официанта, велел нести горячее, и попытался завязать разговор с пасынком. Однако Цинь Цзуй оставался каменным изваянием — появление родной матери не растопило его лед ни на йоту.

Цзян Чу тоже не горел желанием развлекать хозяев светской беседой. Так они и сидели рядышком, сосредоточенно уничтожая еду.

В процессе Цзян Чу подметил одну любопытную деталь: Цинь Цзуй в точности копировал его движения.

Стоило Цзян Чу потянуться за фасолью в кунжутном соусе, как Цинь Цзуй тут же брал то же самое.

Цзян Чу отправлял в рот кусочек кисло-сладких свиных ребрышек — через минуту Цинь Цзуй тоже цеплял палочками ребрышко.

При этом к дорогим деликатесам вроде морских огурцов и королевских креветок, которые Цзян Ляньтянь настойчиво пододвигал к ним общей ложкой, парень даже не прикоснулся.

Люди творческих профессий обычно не обделены эмпатией. Наблюдая за парнем, Цзян Чу

невольно вспомнил школьные уроки литературы и сцену из «Сна в красном тереме», где Линь Дайюй впервые переступает порог дома Цзя.

Чужое, пугающее место, неискренние лица вокруг. Когда безумно боишься оступиться, сказать глупость или показаться деревенщиной, не остается ничего другого, кроме как незаметно подсматривать за остальными и в точности повторять их действия.

Да и если примерить его шкуру на себя... Мать устроила личную жизнь и за несколько лет ни разу не позвала его к себе. Теперь, когда умер отец, парень всю ночь трясся в поезде, приехал — а его здесь явно никто не ждал.

В шестнадцать-семнадцать лет парни ранимы и горды до крайности. Весь этот колючий игнор со стороны Цинь Цзуя наверняка был всего лишь защитным панцирем.

Просто глупый ребенок, по сути.

Поразмыслив над этим с легким вздохом, Цзян Чу стал демонстративно тянуться к самым дорогим блюдам на столе.

Все равно платит Цзян Ляньтянь. И для него, и для Цинь Цзуя этот мужик — отец, так что грех не попить за его счет.

— Ну а со школой для Цинь Цзуя вопрос решили? — спросил Цзян Ляньтянь под конец этого унылого обеда, откладывая палочки и наливая себе чаю.

— Да, — Цинь Шумань промокнула губы салфеткой. — Его... отец успел оформить все необходимые документы там, на месте. Я уже договорилась со средней школой №27. Как только личное дело перешлют, он в конце месяца пойдет сразу в десятый класс.

Цзян Чу как раз обильно поливал уксусом устрицу — этой привычкой он заразился от Да Бэня. Заметив, что оба родителя уставились на него, он равнодушно бросил:

— Хорошая школа. Образцовая.

— Вот именно, — закивала Цинь Шумань.

— Ну вот и ладно, — Цзян Ляньтянь довольно потер ладони и подался вперед, навалившись локтями на стол. — И к твоей квартире близко, сынок. Добираться удобно.

Цинь Цзуй, разжевывавший в этот момент кусок говядины, замер. Желваки на его лице дрогнули, и он медленно поднял тяжелый взгляд на Цинь Шумань.

Цзян Чу поперхнулся уксусом и закашлялся, отвернувшись в сторону. Бросив устрицу обратно на тарелку, он хриплым голосом выдавил:

— Перелил...

Затем вытащил салфетку, принялся вытирать пальцы и, в упор глядя на отца, с предельной вежливостью уточнил:

— Повтори-ка, что ты сейчас сказал?

Цинь Шумань натянуто улыбнулась, а Цзян Ляньтянь поспешно поднялся, увлекая сына за собой:

— Пойдем-ка, сынок, перекурим это дело. Твоей тете Шумань тоже нужно кое о чем перетолковать с сыном с глазу на глаз.

Выяснять отношения при чужих людях действительно не стоило. Цзян Чу скомкал грязную салфетку, швырнул ее в тарелку и молча последовал за отцом.

Они зашли в курилку и встали по обе стороны от раскидистой монстеры. Прикурив, Цзян Ляньтянь шумно выдохнул густую струю дыма.

Цзян Чу хранил молчание. Привалившись к подоконнику, он лениво разглядывал родителя, гадая, какую сказку тот попытается ему скормить на этот раз.

Однако стоило отцу открыть рот, как Цзян Чу, даже не дослушав первую фразу, щелчком отправил окурок в урну и развернулся к выходу.

— Стой, Цзян Чу! Сынок! — Цзян Ляньтянь мертвой хваткой вцепился в его рукав. — Да что у тебя за характер собачий? Весь в мамашу свою... Ладно, ладно, остынь! Дай отцу договорить!

— И слушать не хочу, — Цзян Чу брезгливо стряхнул его руку. — Тебе самому-то не смешно? С чего это он должен жить у меня? Я что, задолжал ему или его мамочке? Руки убери, сказал же — не убегая.

— Да не навсегда это, просто перекантоваться на первое время, — принялся оправдываться Цзян Ляньтянь. — Как только твоя тетя Шумань все устроит, мы решим, что делать дальше.

— Да к чему ей там готовиться? — искренне недоумевал Цзян Чу. — Он ей что, не родной сын?

— Ты не понимаешь, долго объяснять, — Цзян Ляньтянь затянулся и махнул рукой, закрывая

тему. — Считай, что делаешь одолжение отцу. За его содержание платить не придется, мы все покроем. Да ты просто представь, что сдал комнату квартиранту, еще и заработаешь на этом. Выгодно же!

— Раз вы такие богатые, купите ему отдельную квартиру, — хмыкнул Цзян Чу, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение от этой нелепицы.

— Да как он будет один жить? Ему же сначала адаптироваться надо в чужом городе! Мальчишка совсем, несовершеннолетний, ни одной живой души тут не знает, — Цзян Ляньтянь заговорщицки понизил голос. — Ты погляди на него: вырядился черт знает во что, слова из него не вытянешь, а взгляд дикий, как у волчонка. Оставь такого одного — и через неделю поедем выковыривать его из колонии для малолетних.

— Меня это не колышет, — Цзян Чу снова развернулся к двери.

— Десять тысяч в месяц, — быстро выкинул козырь Цзян Ляньтянь.

Цзян Чу замер и медленно повернул голову.

— Пятнадцать тысяч, — тут же накинул Цзян Ляньтянь.

— Двадцать, — хладнокровно заломил цену Цзян Чу.

— Шестнадцать, и точка. На еду вам обоим за глаза хватит, я эти деньги не на помойке нашел, — Цзян Ляньтянь упер руки в бока, сердито выдохнув дым через ноздри. — В конце концов, он мне даже не родной. Мог бы и пойти навстречу.

Цзян Чу невольно усмехнулся такой откровенности.

Сделав еще затяжку, он прикинул варианты. По сути, приютить Цинь Цзуя на какое-то время было не так уж и страшно. Судя по его повадкам, парень не из тех, кто доставляет кучу хлопот. Запретя в комнате, обеспечить его едой-водой — и он за весь день звука не издаст.

— И сколько он у меня пробудет? — спросил он отца.

— Там видно будет, — вздохнул Цзян Ляньтянь, которому роль великодушного отчима тоже давалась со скрипом. — Потерпи хотя бы один семестр. А там, если совсем надоест, отправим его в общежитие при школе — хоть повод будет весомый.

Когда они вернулись в кабинет, картина не изменилась: Цинь Шумань и ее сын сидели на прежних местах в полном молчании. Никакого семейного тепла и в помине не чувствовалось.

Разве что в руке Цинь Цзуя появилась банковская карта — он лениво крутил ее между пальцами, то и дело с тихим стуком прикладывая ребром к столешнице.

Услышав скрип двери, парень повернул голову и замер, глядя на Цзян Чу.

Цзян Чу, набивший брюхо вкусной едой, больше не желал тратить время на эту фальшивую идиллию. Не размениваясь на лишние церемонии, он поймал взгляд Цинь Цзуя и коротко кивнул на выход:

— Ладно, по коням. Поехали ко мне.

Цинь Цзуй замер. Цзян Чу мельком подумал, что парень сейчас оскорбится такой бесцеремонностью, развернется и укатит обратно на вокзал.

Но тот остался невозмутим. Он бросил последний мимолетный взгляд на Цинь Шумань, небрежно засунул карту в карман, подхватил свой тяжеленный рюкзак и молча пошел следом за Цзян Чу, ни разу не обернувшись.

«И зачем только тащил этот баул», — мысленно усмехнулся Цзян Чу.

В такой собачий пепел его сорвали с места, заставили мотаться по городу ради того, чтобы в итоге притащить чужого парня к себе в берлогу.

Цинь Цзуй за всю обратную дорогу не проронил ни слова. Цзян Чу, крутя баранку, то успокаивал себя тем, что молчаливый квартирант — это идеальный жилец, то начинал горько раскаиваться в содеянном.

«Взять в дом котенка или щенка — и то забот не оберешься. А тут взрослый парень, абсолютно чужой. Кто знает, что у него на уме? Впустишь такого, не успеешь оглянуться, а он окажется каким-нибудь воришкой».

Да уж, ну и денек выдался — чистая комедия абсурда.

— Может, скажешь чего? — спросил Цзян Чу, глядя на дорогу перед очередным перекрестком. До дома оставалось всего ничего.

Цинь Цзуй лишь слегка сжал кулак, покоящийся на бедре, но так и не ответил.

Визгнув шинами, Цзян Чу резко прижал машину к обочине и быстрым, отточенным движением расстегнул ремень безопасности.

— Выходи, — скомандовал он, в упор глядя на Цинь Цзюя.

<http://bllate.org/book/18398/1760679>